

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЧЕРТЫ В БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ ПРИДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ

1

На рубеже VI и VII столетий н. э., когда Византийская империя переживала глубокий социальный и политический кризис, на Балканском полуострове протекали события, значение которых в исторической жизни Восточной Европы трудно переоценить. Огромные массы славянского населения двинулись в это время на юг. Они перешли через Дунай, стали растекаться по полуострову старыми путями, хорошо разведанными во времена Балканских войн VI столетия н. э., и навсегда поселились на новых землях. «Славяне отняли у римлян Грецию»,— писал современник этих событий церковный историк и ученый Исидор Севильский.

Как бы ни был в конце концов разрешен сложный вопрос о фракийско-славянских и иллирийско-славянских генетических связях, а также о древних поселениях славян к югу от течения Дуная, занимающий в последнее время внимание акад. Н. С. Державина¹, не подлежит никакому сомнению, что славянские вторжения на полуостров в конце VI и начале VII столетий н. э. сыграли крупнейшую роль в этническом преобразовании балканских земель. К середине VII столетия в северной и средней полосе Балканского полуострова славянский этнический элемент превратился в господствующую силу, подчинившую себе и поглотившую старое иллирийско-фракийское население. «Вся провинция ославянилась и сделалась варварской»,— писал по этому поводу два века спустя Константин Багрянородный. Крупнейшие русские византилисты В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский показали, что славянская колонизация имела большое значение во внутренней жизни Византии. Славянское сельское хозяйство послужило источником оздоровления византийской экономики, а славянская община явилась одним из важнейших слагаемых социальной основы византийского средневековья. «Нет сомнения,— говорил акад. В. Г. Васильевский,— что жизненная энергия, обнаруженная Византией в борьбе с арабами и болгарами, находится в связи с этим приливом новых сил, с улучшением экономических основ государственного быта»².

¹ Н. С. Державин, История Болгарии, I, 1945, стр. 63 и сл.

² В. Г. Васильевский, Материалы для внутренней истории Византийского государства, Журнал Министерства народного просвещения, март 1879 г., стр. 161.

Еще большее значение имели Балканские войны VI столетия н. э. и вторжение славянских племен на полуостров в исторической жизни самих древних славян. Эти события, послужившие одним из заключительных этапов «великого переселения народов» — борьбы варварства, достигшего порога цивилизации, с дряхлеющим рабовладельческим миром, глубоко всколыхнули всю огромную массу славянства. Они ускорили процесс распада первобытных форм жизни, укрепили политические связи в среде славянских племен, способствовали этнической консолидации славянства. Они положили начало историческому бытию южных славян — предков современных славянских народов Балканского полуострова.

Во время Балканских войн, накануне массового вторжения славян на полуостров, византийские авторы различали к северу от Дуная две группы славянских племен, два обширных объединения: западное — с к л а в и н ы и восточное — а н т ы. Границей между ними служило течение Днестра. Те и другие выступали против империи; отряды тех и других далеко проникали на полуостров, подвергая его опустошениям. Начиная с VII столетия н. э., дифференциация славянских племен на склавиний и антов в сочинениях древних авторов более не встречается. Византийские и сирийские историки и хронисты говорят о с л а в я н а х вообще, о славянских племенах, заселяющих полуостров, не зная, откуда пришло то или другое племя, где находились — на западе или востоке — его старые поселения. В частности, в исторических известиях совершенно темным остался вопрос о том, какое участие в заселении полуострова принимали восточные славяне, потомки антов, обитавшие в междуречье Днестра и Днепра. Этот вопрос, без решения которого не может получить всестороннее освещение сложнейшая проблема генетических и исторических связей восточного и южного славянства, уже давно привлекал к себе внимание славистов. К его решению привлекались различные исторические данные, топонимика, некоторые фольклорные материалы и, наконец, данные языка. Они позволили сделать общий вывод о наличии тесных связей между восточными славянами и населением, прежде всего, восточной части Балканского полуострова. Характер и глубина этих связей привели к мысли, что пределы современной Болгарии на рубеже VI и VII столетий н. э. были заселены преимущественно восточными славянами, потомками антских племен VI столетия н. э.

Старое языкознание, как русское, так и болгарское, рассматривая общие черты в восточнославянских и болгарских языках, не всегда находило для их объяснения правильный путь. Многочисленные параллели в русском и болгарском языках объяснялись обычно односторонне, лишь как результат заимствования, как результат проникновения в русскую среду из болгарской, или наоборот, многих сотен слов. Именно с этой точки зрения подходили к болгаро-русским языковым связям акад. А. А. Шахматов, болгарский проф. Б. Цонев, И. Раев и многие другие. Временем особенно интенсивного взаимного языкового проникновения обычно считалось средневековье, когда тесный политический и культурный контакт, связанный в частности с распространением христианства, не мог не привести к созданию благоприятных условий для языкового обмена.

То, что языковый обмен между Болгарией и восточными славянами действительно имел место как в эпоху Святослава и особенно Владимира, когда на Руси появилась болгарская литература, так и в последующее время, вплоть до XIX—XX столетий, не подлежит, конечно, никакому сомнению. Однако можно ли думать, что все две тысячи русских слов, которые отыскал в болгарском языке проф. Б. Цонев, и, вероятно, не меньшее число «болгаризмов» в русском, украинском и

белорусском языках, являются не чем иным, как простыми заимствованиями? Акад. Н. С. Державин, указывая, что вопрос требует специального исследования, тем не менее находит возможным ответить на него отрицательно. «Близкое родство современного болгарского и русского языков,— по его мнению,— объясняется не только наличием элементов обоюдостороннего заимствования и влияния, но также и общностью племенного происхождения этих двух братских народов, в основе которых лежат антские племена»³.

К такому же выводу приходит акад. Н. С. Державин, обрисовывая параллели в русском и болгарском эпическом фольклоре. Он рассматривает образ Трояна, данный в «Слове о полку Игореве», как образ, «выросший в культурно-исторической обстановке славянского населения Киевско-Дунайской области». Обстановку же эту, единство народного сознания на широких пространствах от Дуная до Киева акад. Н. С. Державин образно иллюстрирует такими словами «Слова»: «Девыцы поют на Дунаи, вьются голоса через море до Киева...»⁴

Однако, если эпический образ Трояна, ведущий свое начало от реальных событий первых веков н. э., и некоторые другие старые образы, приведенные акад. Н. С. Державиным, действительно могут говорить о генетическом родстве восточных и южных славян, то большинство других русско-болгарских фольклорных мотивов, пока еще, правда, никем серьезно не изученных с данной точки зрения, ничего определенного сказать не могут. Это относится, в частности, и к только что приведенной строке из «Слова о полку Игореве», где переключка Киева и даже Путивля с Дунаем встречается, как известно, неоднократно. Действительно, остается полностью неизвестным, когда и в результате каких явлений вошел в восточнославянский фольклор «голубой Дунай», «Дунай-батюшка», «Дон-Дунай». Может быть, это произошло в эпоху Балканских войн VI столетия н. э. или во времена вторжения славян на полуостров? Но не менее вероятно, что песни о голубом Дунае стали петь на Руси после героических походов Святослава. Пока что на все эти вопросы, точно так же, как на вопросы, которые ставят перед современным языковедением болгаро-восточнославянские языковые параллели, еще нет вполне определенного ответа.

Несколько более определенную картину болгаро-восточнославянских генетических связей намечают исторические данные и прежде всего вся та историческая обстановка, которая сложилась в северо-западном Причерноморье и на Балканском полуострове в VI—VII и последующих столетиях.

Во время Балканских войн VI столетия восточнославянские антские племена принимали активное участие в походах на полуостров. Нередко, как сообщают Прокопий, Менандр и другие авторы VI—VII столетий, вместе со славянами выступали болгары — кутургуро-утургурские племена, обитавшие в Приазовье. Для того чтобы проникнуть на полуостров, болгары должны были пройти через земли антов, с которыми у них складывались несомненно какие-то союзные отношения, нарушаемые военными столкновениями, нередко спровоцированными Византией. Последовавшие вслед за этим события середины VI столетия, такие, как появление на полуострове, уже прочно занятом славянами, Аспаруха с дружиной, как заключение им договора со славянскими племенами, как ряд других обстоятельств, связанных с возникновением Болгарского государства, вырисовываются, по мнению акад. Н. С. Державина, не как нечто совершенно новое в политических отношениях того времени, а как результат длительных предшествовав-

³ Н. С. Державин. Указ. раб., стр. 229.

⁴ Указ. раб., стр. 207 и сл.

ших взаимоотношений болгар со славянскими племенами⁵. Если это было действительно так, то, следовательно, придунайская часть полуострова была занята не западными склавинскими племенами, а старыми соседями болгар — восточными антскими племенами.

По свидетельству Феофана, Аспарух, перейдя через Дунай в область Малой Скифии, т. е. в южную Добруджу, встретил там в 678 г. племя северян или северцев, которые вслед за этим переселились на юг, к Балканскому хребту. Далее на запад, на обширных пространствах дунайского правобережья обитали в то время семь других славянских племен, имена которых остались неизвестными. Эти племена — северяне и семь племен — и составили в дальнейшем основу древнего Болгарского государства (рис. 1).

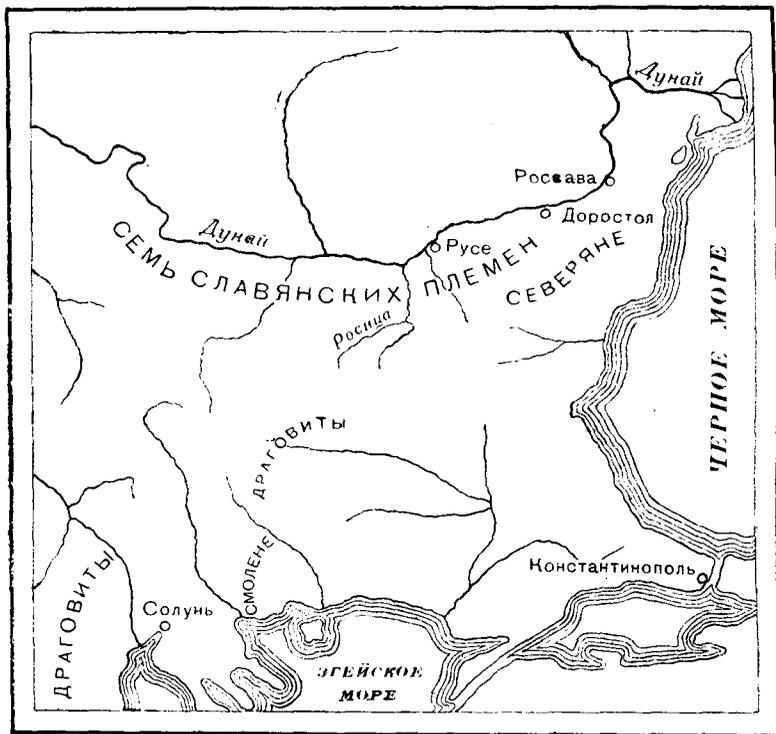

Рис. 1. Восточная часть Балканского полуострова в VII в. н. э.

В литературе уже не раз высказывалось мнение, что дунайские северяне могут быть связаны с северянами «Повести временных лет», обитавшими на левобережье Днепра в бассейне рек Десны и Сейма. Северянам, жившим так далеко от Дуная, на отдаленной восточной окраине антского мира, если они действительно принимали участие в колонизации Балканского полуострова, неизбежно должна была остаться наиболее северо-восточная и наименее благоприятная для жизни часть полуострова. У себя на родине северяне являлись ближайшими соседями приазовских болгар, и возможно, что появление Аспаруха прежде всего именно в их среде отнюдь не являлось простой случайностью.

В «Повести временных лет», в легенде о построении Киева тремя братьями, сохранился отголосок рассказа о переселении славян с Днепра на Дунай. Речь там идет о том, как Кий после поездки в

⁵ Указ. раб., стр. 182 и сл.

Царьград, где он «велику честь приял от царя», пришел на Дунай с родом своим и срубил городок Киевец, в котором, однако, ему поселиться не удалось, так как этому воспротивилось местное население — дунайцы. В византийских источниках наименованию дунайцы соответствовало имя подунавцы, которым называлось славянское население территорий современной придунайской Болгарии.

В одной из своих статей, посвященных вопросам восточнославянского этногенеза, автор этих строк указывал, что топонимика, связанная с именем рос — русь, отнюдь не свойственна всей области восточных славян. Наименование рос — русь было распространено преимущественно на Днепре и на восток от него. На западе, в области Буга и Днестра, имя рос — русь не встречалось, а лежащие здесь галичско-волынские земли Русью первоначально не назывались⁶. Поэтому несомненный интерес представляет группа наименований, происходящих от имени рос — русь и локализующихся в северо-восточной «северянской» Болгарии и южной Добрудже. Это — селение Рассава и город Русе на правом берегу Дуная и река Росица, приток Янтра, впадающего в Дунай несколько выше г. Русе.

В ряду всех этих данных, как будто бы действительно допускающих мысль о восточнославянском происхождении дунайцев, в особом свете предстают и походы Святослава, который называл дунайские земли «середой земли моей», и известное место из Воскресенской летописи, где города на Дунае именуются русскими городами.

2

Мысль о восточнославянском происхождении дунайцев находит подтверждение также и в этнографических и археологических данных, которые даже при самом беглом ознакомлении с ними представляются весьма убедительными, но которые точно так же, как и данные лингвистики или фольклора, никогда не рассматривались серьезно с указанной точки зрения.

Если обратиться к одежде и жилищу — наиболее характерным элементам материальной культуры, хорошо отражающим этнические особенности, то станет совершенно очевидным, что население придунайской Болгарии, во-первых, составляет особую группу, заметно отличающуюся от славянского населения других частей Балканского полуострова, и, во-вторых, что придунайское население действительно имеет очень много общего с восточными славянами, причем не только с современными, но и с древними, известными по археологическим данным.

Обратимся прежде всего к карте распространения основных типов женской болгарской одежды, составленной директором Народного этнографического музея в Софии Х. Вакарельским⁷. На этой карте (рис. 2) хорошо видно, что в придунайской Болгарии, на всем пространстве от Видина на западе и южной Добруджи на востоке, там, где жили некогда семь славянских племен и дунайские северяне, распространен совершенно особый тип женской одежды — «двупрестилчена»⁸, род плахты, состоящей из двух заходящих один на другой кусков материи, прикрепленных к поясу спереди и сзади. От других типов болгарской одежды — «сукмана», напоминающего сарафан, и «саи» — ши-

⁶ П. Н. Третьяков, *Анты и Русь*, «Советская этнография», 1947, № 4 стр. 76.

⁷ Х. Вакарельски, *Битъ и езикъ на тракийскитъ и малоазийскитъ Българи ч 1*, София, 1935, стр. 226.

⁸ Термин «двупрестилчена» является не народным, а принятым в этнографической литературе.

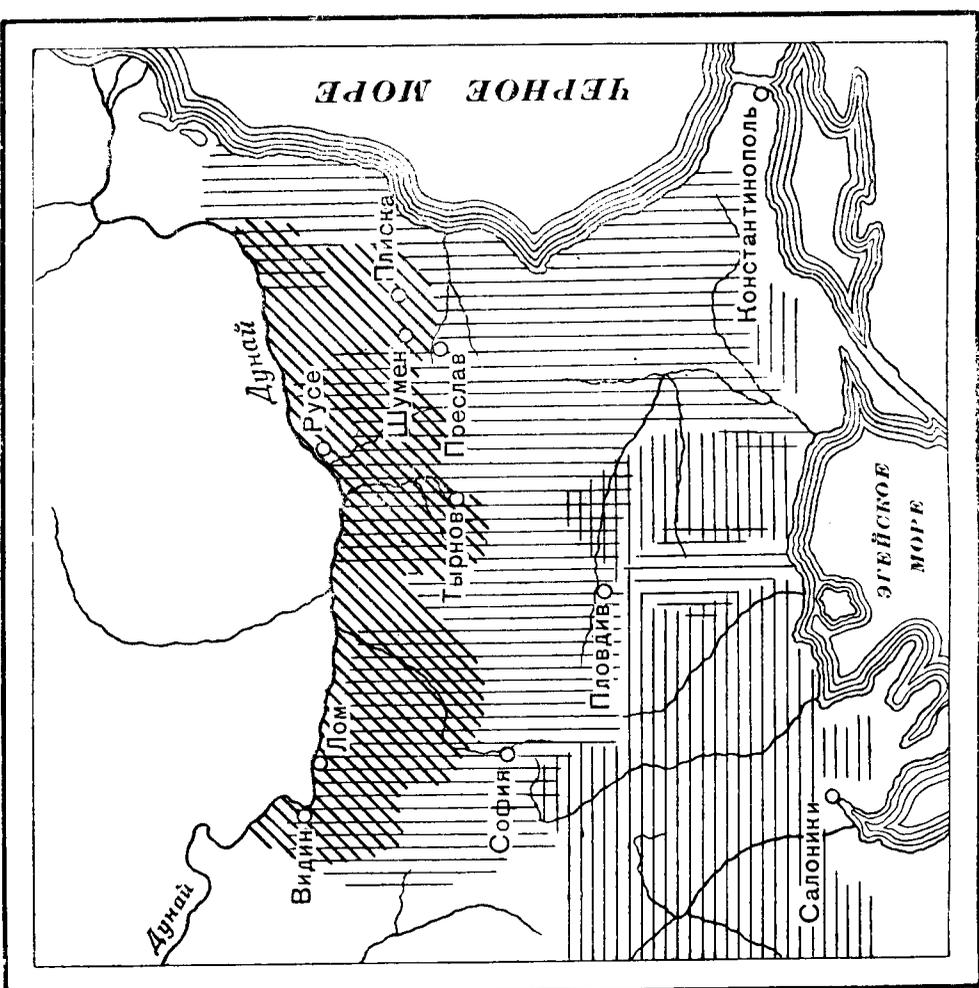
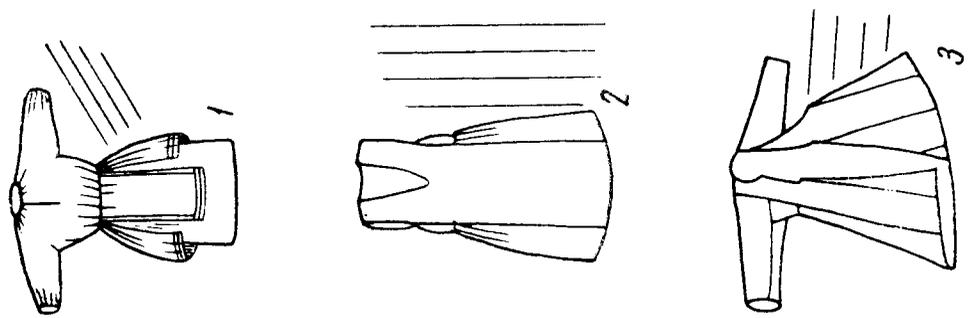

Рис. 2. Схематическая карта распространения основных типов болгарской женской одежды (по Х. Вакарельскому): 1 — «двупрестилчена», 2 — «сукман», 3 — «сая».

рокой женской одежды с рукавами и разрезом спереди — придунайский тип костюма отличается очень сильно. Если же сравнить основные типы женской болгарской одежды с украинским национальным костюмом, то близость одежды придунайской Болгарии и Украины станет совершенно очевидной. «Двупрестилчена» и украинская плахта — это по сути дела аналогичные формы; придунайская одежда в целом также близка к украинской.

Х. Вакарельским дана и более детальная карта типов болгарской одежды, на которой одежда населения придунайской Болгарии представлена в виде одиннадцати локальных вариантов⁹, некоторые из которых воспроизводятся в настоящей статье (рис. 3).

Рис. 3. Одежда придунайской Болгарии: 1—район г. Берковицы; 2—район г. Свищева

Женские одежды сходного типа, встречающиеся кое-где в Югославии, а также у Карпатских гор, отнюдь не свидетельствуют против связей дунайской «двупрестилчены» и украинской плахты, так как они значительно отличаются от последних и входят в состав костюма, не свойственного ни Украине, ни северной Болгарии.

Еще более разительная картина близости населения придунайской Болгарии к восточному славянству выявляется на основании сравнительного изучения придунайского жилища и древнего восточнославянского жилища, на чем следует остановиться подробнее.

В настоящее время благодаря археологическим исследованиям, произведенным в славянских странах и особенно в СССР, стали, наконец, выясняться подлинные истоки славянского домостроительства. Оказалось, что старая этнография, так много занимавшаяся славянским жилищем, в тех случаях, когда вставали исторические вопросы, неизбежно попадала на ложный путь. Этнография исходила из ошибочного, «индоевропейского» представления о единстве древней славянской культуры и стремилась свести все огромное многообразие славянского домостроительства к единой исходной форме, своего рода славянскому «пражилищу». Так поступал в свое время А. Н. Харузин¹⁰, являвшийся крупнейшим знатоком славянского жилища; то же самое находим в работах Д. К. Зеленина¹¹ и других.

Былое единство славянской культуры, в том числе и культуры жилища, оказалось, однако, таким же мифом, как и пресловутое единство самого древнего славянства. Советская историческая наука установила, что славянство сложилось на основе целого ряда древних племенных групп, первоначально различных, но оказавшихся в таких исторических условиях, которые повели их по пути этнической и культурной консолидации¹². В соответствии с этим в основе славянского домостроительства лежали не одна, а несколько различных исходных форм.

Жилища восточных славян с глубокой древности составляли, пови-

⁹ Х. Вакарельски и Д. Ивановъ, История на облъклото, София, 1942.

¹⁰ А. Н. Харузин, Славянское жилище в Северо-западном крае, Вильна, 1907.

¹¹ D. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin — Leipzig, 1927.

¹² А. Д. Удальцов, Теоретические основы этногенетических исследований, ИОИФ, I, 1944, № 6; его же, Основные вопросы этногенеза славян, сборн. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947; Н. С. Державин, Происхождение русского народа, М., 1944 и др.

димому, три основные группы. На лесном севере, в области верхнего течения Днепра, по верховьям Западной Двины и Волги, с первых веков н. э. господствовала рубленая из бревен изба, известная по раскопкам на городище у д. Березняки или в Старой Ладогге, которой предшествовал как будто бы наземный столбовой дом. Другая домостроительная традиция издавна развивалась на юго-востоке — на среднем Днестре, по его левым притокам, а также в верховьях Оки. Основной формой жилища здесь являлась землянка, первоначально различных типов — круглая, овальная и прямоугольная, а в конце первого тысячелетия н. э. преимущественно квадратная. На юго-западе, в области днепровского Правобережья, в бассейне Днестра и в Прикарпатье, опять-таки с глубокой древности были известны два типа жилища: столбовой глинобитный дом и землянка¹³. В Средней Европе, судя по имеющимся материалам, основной формой древнего славянского жилища был столбовой дом, восходящий к постройкам типа известного Бискупинского поселения¹⁴ или других жилищ лужицких племен. Наряду с ним там рано получил распространение и дом, рубленный из бревен.

В области Балканского полуострова славянское домостроительство столкнулось с местными строительными традициями, чем и объясняется значительная пестрота форм жилища у балканских славян. Однако негрудно убедиться, что наиболее распространенными типами жилищ являются там, во-первых, столбовой дом и, во-вторых, каменная постройка, сложившаяся в условиях горных районов, нередко настоящее горное жилище, которое иногда неправильно называют землянкой. Настоящих землянок, выкопанных в земле жилищ, балканские славяне не знают. Исключение в этом отношении составляет население придунайской Болгарии — потомки дунайцев и северян, жившие в недавнем прошлом в настоящих землянках, представляющих собой ближайшую аналогию древним славянским жилищам Среднего Поднепровья и, в частности, жилищам северян «Повести временных лет».

Восточнославянские землянки, описанные в свое время Ибн-Руста, впервые были открыты раскопками В. В. Хвойко в Киеве и Н. Е. Макаренко на городищах «Монастырища» около г. Ромны, на р. Суле. В обоих случаях они имели вид квадратных в плане помещений, размером в среднем 4×4 м, глубиной более метра, с глинобитными печами и перекрытием, покоящимся на системе стоящих по углам и у стен столбов. В 1928—1929 гг. значительное число подобных жилищ было исследовано П. П. Ефименко на Боршевском и ряде других славянских городищ VIII—X столетий в районе г. Воронежа. Землянки имели стены, обложенные деревом, укрепленным стоящими у стен и по углам вертикальными столбами или же составляющим сруб; крыша была двускатной, покрытой сверху толстым слоем земли; в углу жилищ находились печи-каменки, в некоторых землянках их заменяли примитивные открытые очаги. Но наиболее интересной чертой боршевских земляных жилищ было то, что они не стояли изолированно одно от другого, а соединялись друг с другом внутренними переходами, составляя компактные группы, включающие, кроме нескольких жилищ, еще и постройки хозяйственного назначения (рис. 4). Такие комплексные жилища не могли быть чем-либо иным, как жилищами больших патриархальных семей типа славянской «задруги», ведущих на общинных началах нераздельное хозяйство¹⁵. В последние годы такие

¹³ Автор настоящей статьи предполагает в ближайшее время опубликовать археологические данные, освещающие истоки восточнославянского домостроительства.

¹⁴ *Przeegląd Archeologiczny*, t. V, г. 2—3.

¹⁵ П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, Сообщения ГАИМК, 2, 1931; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону. Материалы и исслед. по археологии СССР, № 8, 1948.

же, соединенные переходами землянки были открыты автором настоящей статьи на славянском городище на р. Ворскле¹⁶ (рис. 5) и в ряде других пунктов.

В пределах древнерусских городов — в Киеве, Чернигове, Вышгороде, Белгороде, Старой Рязани и других — жилища-землянки такой же

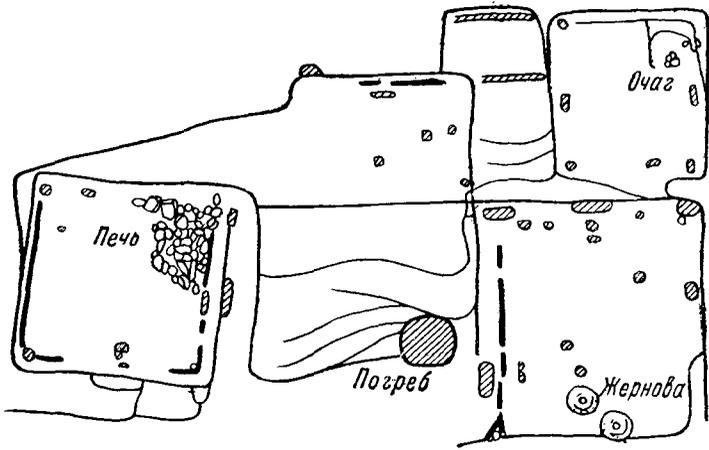

Рис. 4. Землянки Боршевского городища VIII—X вв. н. э., Воронежская обл.

конструкции внутренних переходов за редкими исключениями не имели. Очевидно, в условиях города большие семьи типа «задруги» быстро распались, что сразу же отражалось на формах домостроительства.

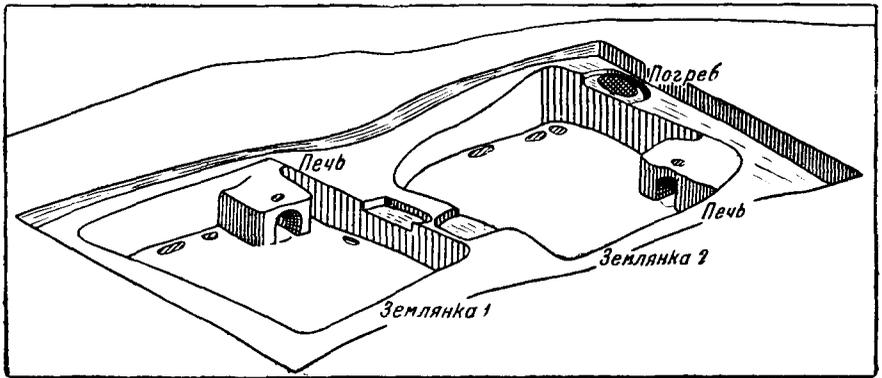

Рис. 5. Землянки Петровского городища X в. н. э., Харьковская обл.

Такие же самые жилища-землянки, нередко состоящие из многих помещений, соединенных внутренними переходами, с печами и очагами, имеющие перекрытие, покоящееся на вертикальных столбах, до конца XIX столетия, а местами до самых последних лет составляли характерную форму жилища придунайской Болгарии.

Земляные жилища были распространены, повидимому, по всей придунайской Болгарии, от Добруджи на востоке до Видина на западе, там, где жили древние северяне и семь славянских племен. Однако известны они по этнографическим данным преимущественно на западе, в области города и реки, называемых одним именем — Лом. На востоке эта древняя славянская форма жилища почти не сохранилась, вероятно,

¹⁶ П. Н. Третьяков, Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, Археологія, I, Київ, 1947.

во-первых, потому, что там лежали древние центры болгарской средневековой культуры и государственности — Плиска, Преслав, Тырново — в свое время богатые города с каменными зданиями, с храмами и дворцами, в условиях которых землянки неизбежно должны были исчезнуть. Во-вторых, в последующие столетия там же находились крупнейшие центры турецкого владычества и колонизации — Шумла, Руцук и другие, что не могло не привести к значительному распаду национальных форм быта, к внедрению в обиход славянского населения иноземных черт, что точно так же отнюдь не способствовало сохранению древней формы жилища — землянки.

Интересно, что на крайнем востоке Болгарии, в южной Добрудже, в отдалении как от древних средневековых центров, так и от мест турецкой колонизации, земляные жилища сохранялись вплоть до недавнего времени, правда, не в таком числе, как в Ломском округе. На них обратил внимание в XIX столетии один автор, давший описание восточной Болгарии. Такие земляные жилища, по его сообщению, назывались там точно так же, как и в Ломском округе, — «бурделями» (bordeits)¹⁷. Этим же именем назывались землянки, переживавшие до последнего времени на территории Бессарабии, в земле древних улчий и тиверцев, которые следует рассматривать как еще одно свидетельство в пользу восточнославянского происхождения земляных жилищ придунайской Болгарии¹⁸. Впрочем, отдельные сведения о земляных жилищах, как сообщил автору настоящей статьи директор Этнографического музея в Софии Х. Вакарельский, имеются и из центральных и восточных областей придунайской Болгарии.

Судя по описаниям, сделанным в XIX ст., земляные жилища придунайской Болгарии — «бурдели» или «хижи» — чрезвычайно напоминали древние восточнославянские землянки.

«Бурдель» или «хижа» делалась в виде глубокой ямы, состоящей из двух-трех отделений и покрытой сверху крышей. И. Бассанович, наблюдавший земляные «хижи» в Ломском округе в 80—90-х гг., описывает их следующими словами: «Земляные бурдели состоят обыкновенно из а) ступенчатого крытого входа, без внешних дверей и так наз. «гривницы» (открытого холодного помещения наподобие сеней. — П. Т.), которая служит в летнее время для тканья полотна и отдыха; б) собственно жилища «къщи», в котором находится очаг с широко открытым плетеным дымоходом, предназначенным для освещения, вентиляции и выхода дыма; в этом помещении держат все необходимое для жизни крестьянина (сундуки, лари для муки, посуду и т. д.); около очага в земле бывает выкопана печь («печь» — для выпечки хлеба. — П. Т.); в) третьего отделения — комнаты («соба»), которая сообщается с предыдущим с помощью тесного коридорчика, закрывающегося дощатой или плетеной дверью. Комната отапливается, как это было в средние века в Европе, с помощью жаровни — «мангал» или маленькой печи, а свет попадает в комнату через 1—2 маленьких окна, заклеенных бумагой и осколками стекла; в богатых бурделях бывают целые стеклянные окна. В комнатах живут в зимнее время.

Все три отделения находятся под одной крышей, состоящей из деревянной основы, покрытой хворостом, соломой и слоем земли. В летнее время, — заканчивает свое описание И. Бассанович, — весь бурдель покрывается зеленой травой и на крыше толкутся куры, гуси и другая живность; в зимнее время домашние животные и птицы (гуси, куры, свинки, овцы, коровы) часто живут внутри, в самом жилище»¹⁹.

¹⁷ С. Allard, La Bulgarie Orientale, Paris, стр. 109.

¹⁸ А. Н. Харузин, Указ. раб., стр. 45, 68—69.

¹⁹ И. Бассанович, Ломскиятъ окръгъ. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. ♣, София, 1891, стр. 43.

Таких подземных жилищ в Ломском округе, по данным И. Бассановича, в конце 80-х гг. было 5145, что составляло 26,71% всех жилищ, причем особенно много их было в Ломском районе — 2589, или 33,93% ко всему числу жилищ. В начале же 80-х гг. в Ломском районе было 3513 землянок и лишь 1992 наземных дома, причем даже некоторые церкви были углублены в землю своими основаниями. А еще раньше, до Освободительной войны, в землянках жила подавляющая часть населения Ломщины. Многие села (Ковачицы, Линево, Мокреш и др.) состояли почти исключительно из таких, как их называет И. Бассанович, «троглодитских жилищ»²⁰.

Кроме землянок, состоящих из трех отделений — одного холодного и двух отапливаемых, в Ломском округе имелись, повидимому, «хижи», принадлежащие большим семьям — «задругам» и состоящие из большего числа отделений. В некоторых селах (например в Вълчедръме), по данным И. Бассановича, имелись «задруги» из 15—20 душ, живущих в одном жилище²¹.

Прямое указание на многокамерные «хижи» имеется у Д. Маринова — автора словаря болгарского народного языка, которым дано довольно подробное описание земляного жилища, к сожалению, без указания селения или округа. «Ижа» или «хижа», пишет Д. Маринов, является жилищем, устроенным в земле, в яме, глубиной в 2—3 м. «Хижа» состоит из «гривицы», «къщи» и нескольких комнат («стаи»). «Гривица» служит для входа в жилище; по сторонам ее расположены нары, на которых спят в летнее время, называемые «трем» или «пруст». В «къщи» Д. Маринов указывает ряд интересных деталей. Дверь, которая ведет в «гривицу», была отделена от очага сделанным из плетня заслоном — «бухр.ия», очевидно, для того, чтобы прямой поток воздуха из открытой двери не мешал пламени. По обе стороны от очага находились нары; против очага на стене приделана полка для посуды, под ней на деревянных гвоздях висели котлы и ведра. В стенке у очага выкапывалась печь для печения хлеба; по обе стороны очага, повидимому над нарами, в стене жилища делали «пезън» — русские «горнушки»; рядом с ними на деревянных гвоздях висела одежда, а также солонка и перечница. Из «къщи», продолжает Д. Маринов, входили в другие ямы, выкопанные в стенах, — это «стаи», в которых живут в зимнее время.

Большой интерес представляет описанная Д. Мариновым конструкция перекрытия подземных жилищ, полностью повторяющая то, что было установлено для восточнославянских землянок археологическими исследованиями.

По длинной оси ямы жилища, у стен были выкопаны небольшие ямки, в которых поставлены бревна с развилками наверху — «соа», «соха»; на развилки клалось толстое и прямое бревно — «било», составляющее основу перекрытия. По сторонам «сох», повидимому, у боковых стен ямы, вбивались в землю столбы меньшей высоты — «слъбци», — очевидно, тоже с развилками; на них параллельно «било» лежали бревна — «постранки». Крыша, следовательно, была двускатной. Поверх «било» и «постранок» поперек были уложены другие бревна — «мартаки», а затем хворост, солома и, наконец, земля, составляющие «покровину».

Точно таким же образом и из тех же слагаемых устраивалось перекрытие «гривицы». Лишь центральное бревно перекрытия, соответствующее «било», здесь носило название «пон»²².

²⁰ Указ. соч., стр. 44.

²¹ Там же, стр. 41.

²² Д. Маринов, Материалъ за българския речник, Сборникъ народни умотворения, наука и книжнина, кн. XII, София, 1895, стр. 281.

К сожалению, ни И. Бассанович, ни Д. Маринов не дают промеров жилища и никаких графических материалов.

В 80-х гг. земляные жилища в Ломском округе наблюдал известный венгерский художник Ф. Каниц, зарисовавший их в с. Василловцах

Рис. 6. Земляные жилища Ломского района (Болгария). Конец XIX в.

Рис. 7. Земляное жилище в Ломском районе (Болгария)

(рис. 6)²³. Рисунок Ф. Каница не только дополняет приведенное выше описание, но и вносит окончательное разъяснение относительно формы перекрытия. Оказывается, что крыша земляных жилищ, названная И. Бассановичем плоской, а, судя по описанию Д. Маринова, бывшая двускатной, в действительности являлась именно двускатной, но не осо-

²³ С. М. Романский, България въ образитѣ на Феликсъ Каницъ, София, 1939, стр. 109, 112.

бенно высокой. Тем самым устанавливается, что и по форме крыши дунайские землянки не отличались от древних восточнославянских.

Другой приведенный здесь рисунок земляных жилищ Ломского округа (рис. 7), взятый из книги Л. Нидерле²⁴, отражает позднейшую эволюцию древних землянок — их постепенное выползание на поверхность земли. О таких жилищах, стены которых возвышаются над землей на 1 м, пишет болгарский географ А. Иширков в своей популярной книге о Болгарии, опубликованной в начале XX столетия²⁵. Именно такие жилища, уже не землянки, а полуземлянки, можно наблюдать в Ломском округе и в настоящее время.

Общие черты восточнославянских землянок и земляных жилищ придунайской Болгарии можно дополнить еще одним ярким бытовым штрихом. Оказалось, что обитатели древних землянок Среднего Поднепровья пользовались таким же самым способом хлебопечения, кото-

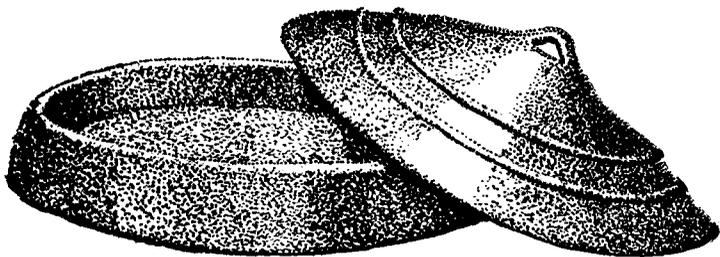

Рис. 8. Глиняные «црапуля» (подница) и «садж». Этнографический музей в Белграде

рый распространен до настоящего времени на Балканах, как в придунайской полосе, так и шире — в ряде районов Болгарии, Сербии и отчасти Хорватии.

На городищах Среднего Поднепровья, в землянках около очагов были не раз находимы обломки своеобразной глиняной посуды — своего рода блюд, диаметром до 50 см, с вертикальными бортиками, высотой до 10—12 см. Блюда были сделаны из пористой глины и отличались большой массивностью и грубостью выделки. Толщина дна и бортиков достигала 4 см. На Боршевском городище одно такое блюдо, распавшееся на части, было найдено стоящим внутри очага.

Такие же точно глиняные блюда, тех же размеров и формы, сделанные из такой же пористой глины, автор этой статьи видел не раз в 1946 г. в селах Болгарии и Югославии. Они служат для выпечки хлеба и называются по-болгарски — «подницами», а у сербов — «црапулями» (рис. 8).

Выпечка хлеба в поднице производится следующим образом. Подница ставится в очаг и внутрь ее насыпаются горячие угли. После того как подница достаточно накалилась, ее освобождают от углей, не вынимая из очага, и кладут на дно пресное тесто в виде больших лепешек. Затем подницу плотно закрывают крышкой — «връшницей» по-болгарски и «саджем» по-сербски — и засыпают сверху горячей золой и углями. Болгарская «връшница» делается из железа; сербский «садж» — из глины. Нет никакого сомнения в том, что таким же точно образом во второй половине первого тысячелетия н. э. выпекали хлеб славянские племена, жившие в своих земляных жилищах на широких пространствах среднего Поднепровья, на верхнем Дону и Донце и по верховьям Оки.

²⁴ L. Niederle, Manuel de l'antiquité slave, t. II, Paris, 1926, стр. 97.

²⁵ А. И. Иширков, Болгария, Одесса, 1911, стр. 207.

Приведенные выше этнографические и археологические данные, говорящие о наличии генетических связей между южными восточнославянскими племенами и населением придунайской Болгарии, должны привлечь к себе самое пристальное внимание специалистов. Весьма вероятно, что именно этим данным будет принадлежать в дальнейшем, при решении вопроса о генезисе древних дунайских северян и семи славянских племен — подунавцев, наиболее решающее слово.

Вместе с этим, вопрос о восточнославянских этнических элементах на Балканском полуострове должен решаться и в более широком плане. Если придунайская Болгария, как это можно предполагать на основании всего изложенного выше, была занята более или менее целостной группой восточнославянских, антских племен, то отдельные их потомки, несомненно, проникли и в другие области полуострова. Упомянутые Никитой Хониатом смоляне и драговиты Солунского сказания, обитавшие в юго-восточной части полуострова около г. Солуни, а также драговиты фракийские могут быть сопоставлены с восточнославянскими племенами отнюдь не с меньшей долей вероятности, чем с полабскими племенами — драговичами и смолянами.

Этнографические и археологические исследования помогут разрешить в данном случае большой исторический вопрос, значение которого далеко выходит за рамки древних судеб славянства, бросая свет на важнейшую проблему братских связей славянских народов СССР и славянских народов Балканского полуострова.